

Воскресенский Ф.А. Российская судебная система в свете публичной политики («политическое поле» versus «зона власти»). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_79 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 79–110.

УДК 32

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_79

Российская судебная система в свете публичной политики («политическое поле» versus «зона власти»)

Фёдор Александрович Воскресенский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

E-mail: voscresensky@mail.ru

*Поступила в редакцию 21.07.2021, поступила после рецензирования 01.10.2021,
принята к публикации 18.10.2021*

В статье описывается функционирование судебной власти как элемента политической системы современной России. Особенности деятельности судов проявляются через механизм судейского усмотрения, в рамках которого принимаются решения по делам. Автором выделяются две основные модели, используемые для объяснения поведения судей: на основе закона и на основании личных предпочтений. В российских условиях наиболее адекватным для объяснения поведения судей на основании личных предпочтений является стратегический подход, согласно которому судьи учитывают существующие институциональные и политические ограничения и руководствуются той структурой политических возможностей, которая сформирована данными ограничениями. Последние обусловлены «зоной власти», функцией которой является проецирование на подвластных предписаний, формируемых действующим политическим режимом, а также применение санкций за их нарушение. Такое построение российского политического пространства отводит судебной системе место не полноценной ветви власти, а, по сути, одного из исполнительных государственных институтов, осуществляющих отведенные ему функции в рамках единой государственной политики. Институциональные особенности судебной системы определяются универсальными бюрократическими характеристиками организации деятельности и управления, свойственными органам исполнительной власти. Нахождение в зоне власти значительно осложняет продвижение концепта публичной политики, так как нивелирует возможности горизонтальной кооперации, призванные к реализации принципом состязательности и равноправия сторон. В статье сделан вывод, что судебная система современной России в лице действующих судей отказалась от роли строителя правового поля в публичном политическом пространстве.

© Воскресенский Ф.А., 2021

Ключевые слова: судебная власть, политическая система, публичная политика, судебское усмотрение, «зона власти»

Russian Judicial System in the Light of Public Policy ("Political Field" versus "Zone of Power")

Fedor A. Voscresensky

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: voscresensky@mail.ru

Received 21.07.2021, revised 01.10.2021, accepted 18.10.2021

Abstract. The article describes the functioning of the Judiciary as an element of the political system of modern Russia. The characteristics of the activities of the courts are manifested through the mechanism of judicial discretion, within the framework of which decisions on cases are made. There are two main models used to explain the behavior of judges: based on the law and on the basis of personal preference. In Russian conditions, the most adequate way to explain the behavior of judges on the basis of personal preferences is a strategic approach. According to it judges take into account existing institutional and political restrictions and are guided by the structure of political opportunities that is formed by these restrictions. The latter are due to the "Zone of Power", the real function of which is to project onto the subject, the prescriptions formed by the current political regime, as well as the application of sanctions for their violation. Such a construction of the Russian political space gives the judicial system the place not of a full-fledged branch of power, but, in fact, of one of the executive state institutions that carry out the functions assigned to it within the framework of general policy. Its institutional characteristics are determined by the universal bureaucratic characteristics of the organization of activities and management, characteristic of the executive branch. Being in the "Zone of Power" significantly complicates the promotion of the concept of Public policy, since it levels the possibilities of horizontal cooperation, designed to be implemented by the principle of competition and equality of the parties. The article concluded that the Judicial system of modern Russia, represented by the acting judges, has abandoned the role of the builder of the field of law in the Public political space.

Keywords: Judicial power; political system; public policy; judicial discretion; power zone

For citation: Voscresensky F.A. Russian Judicial System in the Light of Public Policy ("Political Field" versus "Zone of Power"), *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 79-110. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_79.

Центральная задача судебного института – на основании норм права разрешать имеющиеся в обществе конфликты, примирять враждующие стороны. Исходя из этого, правосудие определяется как государственно-правовое явление, содержание которого обусловлено необходимостью разрешения конфликтных ситуаций в обществе посредством суда как особого механизма (Дикова 2018). Способы и механизмы разрешения конфликтов, а также роль при этом права – показатель уровня развития общества.

Отношение судов к конфликтам является многоплановым. Марк Галантер констатирует, что суды не только разрешают споры – они их предотвращают, провоцируют, делегируют и трансформируют, давая возможность провести переговоры и урегулировать вопросы «в тени закона» (Галантер 2014). В сложно устроенном человеческом обществе во многих случаях участники конфликта в состоянии найти более удовлетворительный способ его разрешения, чем могут им предложить профессиональные судьи, вынужденные применять общие правила на основе ограниченных знаний о подробностях конфликта (Eisenberg 1976; Dunlop 1975). Учитывая многообразие предпочтений и ситуаций по сравнению с малым количеством факторов, принимаемых в расчет согласно официальным правилам (Duncan 1973), и искажения смысла конфликта при переложении его на язык судебных нормативных категорий, можно предположить, что мало кто заинтересован в подчинении решениям, принятым в строгом соответствии с официальными нормативными правилами. Ричард Лемперт описывает разнообразные способы, за счет которых суды выполняют функцию урегулирования конфликтов, подчеркивая, что не только прямые судебные решения являются продуктом судебной деятельности (Lempert 1978). Здесь мы имеем дело с пространством публичной политики как сферой взаимных сделок и компромиссов, являющихся следствием поиска взаимоприемлемых решений. С этой точки зрения полноценная судебная власть выступает одним из ключевых институтов политического поля (П. Бурдые), выделяемого С.В. Патрушевым как идеально-типический конструкт, как пространство отношений политических акторов, характеризующее совокупностью постоянно воспроизводящихся правил, в соответствии с которыми осуществляется взаимодействие по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативного проектов, целей и стратегических решений для общества (Недяк и др. 2020). Выработываемые в политическом поле общие цели, ценности, нормы как продукт согласования воли становятся основой социальной интеграции и легитимации социального порядка. Учитывая, что универсализация норм политического взаимодействия в форме законов является условием конструирования и функционирования такого поля в политическом государстве (Недяк и др. 2020: 43), судебная власть берет эту функцию на себя.

Так как каждый судья сознательно формулирует для себя судебскую политику разрешения дел различной категории сложности, определяет ход дел в обществе (Bell 1983: 247) и распределение ресурсов (Miller, Schefflin 1967: 273-274), фактически его деятельность по судебному разрешению споров является политической (Shapiro 1962: 175). Эта политика в качестве основных включает в себя нормативные, институциональные и межинституциональные соображения и представляет собой сумму концепций этого судьи о том, как он будет осуществлять свое усмотрение в рассматриваемых им делах. Эти соображения носят как формальный, так и неформальный характер и служат основными стандартами для определения судебного усмотрения в рамках разумности, а также выражением политического самосознания судей. От них же зависит степень воспроизводства публичной

политики судьями, нахождение их в пространстве политического поля. Вынесение процессуального решения является центральным, но отнюдь не единственным связующим звеном между судами и конфликтами. Тем не менее в своей политической оценке мы ориентируемся на него как на письменную манифестацию воли судей и основной формальный механизм функционирования судебной власти в публичной политике. Судейская воля реализуется посредством судейского усмотрения, из которого в дальнейшем произрастают все решения конкретного судьи. Именно для претворения судейского усмотрения в жизнь и нужен институт суда (MacCormick 1974).

Председатель Верховного суда Израиля Аарон Барак высказывает достаточно парадоксальную мысль, что доктрина вынесения судебных решений и юриспруденция как доктрина права – две разные вещи, хотя и тесно связанные (Барак 1999: 3). На этом парадоксе построено функционирование судов как политических акторов. Так как существует достаточно много судебных дел, когда судья по своему усмотрению выбирает между несколькими линиями поведения, из которых все законны, следовательно каждая правовая проблема не имеет только одного законного решения. В такой ситуации выбор судьи, хоть и сделанный в нормативных рамках, всегда носит политический характер. Поэтому А. Барак определяет судейскую политику как сознательное формулирование соображений, согласно которым судья делает выбор между различными соответствующими праву альтернативами, открытыми перед ним в трудных делах (Барак 1999: 294-295).

Наличность нескольких соответствующих закону, но при этом альтернативных по сути обоснований разных решений по одному и тому же делу делает судейское усмотрение центральным элементом, характеризующим судей как политических акторов и дает нам основание оценивать суд не столько как юридического аргументатора, а скорее как институт власти, спустившийся на арену публичных дебатов. Официальная подача иска, как входящее требование к системе, запускает механизм потенциальной публичности, реализация которой зависит от усмотрения суда. Именно усмотрение суда в первую очередь определяет, на каких условиях и в каком порядке суд использует свою власть, скрывая вариативность применения последней за толкованием закона.

Институционализируемая система судебной власти выдвигает на первый план систему отношений, в рамках которых некоторые виды обещаний и обязательств, навязанных или взятых добровольно, например в соответствии с договором, рассматриваются как подлежащие исполнению. Такая власть является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимированных значимостью последних для целей коллектива и допускающих возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции (Парсонс 2003: 895). Принцип равенства граждан перед судом призван способствовать справедливости при использовании властного судебного принуждения. Р.А. Даль, разрабатывая концепцию полиархии, под-

черкивал, что право не может быть лишь абстрактным и теоретическим, подобно большинству прав в советской Конституции. Право должно быть закреплено не только в законодательном, но и в судебном порядке (Даль 2003: 900).

Отнесение судебного института к одной из ветвей государственной власти, его значимость и высокий уровень ответственности требуют от судей обладания такими качествами, как самостоятельность, независимость, объективность, справедливость и профессионализм. Их реализация необходима, так как с точки зрения политической динамики любое судебное решение может быть использовано как оружие в борьбе политических сил, и в первую очередь самой мощной политической силой государства – действующей политической властью. Роль судьи не будет реализована, если он не будет проверять на соответствие праву действия других политических акторов (прежде всего исполнительной власти)¹. В этом и заключается политическая деятельность по судебному разрешению споров (Griffith 1986), которая в своем должном качестве выступает институциональным эквивалентом общей публичной политики государства.

Степень преломления указанных судейских качеств в объяснении действительных мотивов поведения судей и связь этих мотивов с судейским усмотрением являются предметом исследования изучающих суды политологов. Наибольшую глубину и широту демонстрируют исследования, проведенные американскими политологами и правоведами. В России же на судейское усмотрение обращают внимание, пожалуй, только юристы (Папкова 2005; Абушенко 2002; Ермакова 2010). Например, К.П. Ермакова определяет его как властную деятельность суда по осуществлению правосудия, состоящую в использовании интеллектуально-волевого механизма, позволяющего суду произвести выбор варианта решения юридического дела (Ермакова 2010: 8). В целом же его юридические трактовки так или иначе вращаются вокруг нормативно закрепленного внутреннего усмотрения судей.

Исследователи выделяют две основные модели, используемые для объяснения поведения судей. В первой судьи опираются на закон, во второй – на свои личные убеждения. По мнению Лоуренса Баума, наиболее важной их характеристикой является то, что они исходят из предположения, что судьи заинтересованы в формировании хорошей правовой политики, будь то хороший закон, хорошая политика или сочетание того и другого (Баум 2014). Рассмотрим данные модели подробнее, так как в своей совокупности они определяют судейское усмотрение, а следовательно степень формирования судами политического поля в рамках концепта публичной политики.

Принятие решений на основе закона. Традиционная юридическая модель. Фактически она сформировалась после появления писаного права и выделения судей как особого социального слоя, профессионально занимающегося судебной деятельностью. Эта тенденция восторжествовала в XIX в., когда в подавляющем большинстве государств романо-германской

¹ См.: H.C. 428/86. Barzilai v. State of Israel, 40 P.D. (3) 505. In the Supreme Court State of Israel sitting as the High Court of Justice [6 August 1986].

правовой семьи были приняты кодексы и писанные конституции, и еще более укрепилась в современную эпоху прежде всего благодаря значительному расширению роли государства практически во всех областях жизни общества (Марченко 2009: 247). Эта модель базируется на нормативной предпосылке, что судьи должны заниматься правильным применением и интерпретацией закона, исходящего от высшей власти в государстве. Основанная таким образом на принципе законности (*law-based model*), она подразумевает, что судьи, принимая решение по собственному усмотрению, сделают все возможное, чтобы придерживаться правовых норм. Непредвзятость и независимость судей необходимы, поскольку их защита от внешнего влияния приведет к верховенству закона. Именно такое традиционное представление в основном распространено в мире, особенно в странах континентальной правовой традиции, в том числе в РФ, где закреплено в присяге судьи и Конституции. В целом в нашей стране продолжает господствовать советская парадигма, выработанная в рамках юридической науки, согласно которой государство является непосредственным актором создания правовых установлений и главной силой их осуществления (Алексеев 1981: 169). Следовательно, по общему правилу применение усмотрения судьей устанавливается государством (Папкова 2005: 43).

Принятие решений на основе предпочтений. Вторая модель, возникшая как антитеза первой и широко распространившаяся в XX в., с политологической точки зрения значительно интереснее. В качестве главной предпосылки в ней выступает представление, что судебская политика определяется почти исключительно ценностными установками и предпочтениями самих судей. В первую очередь они действуют на основе своих представлений о хорошей политике (или, другими словами, исходя из своих политических предпочтений). Эта модель зародилась с появлением социологической теории права, поставившей представления традиционной юридической модели под большое сомнение. Ее основоположником стал О. Эрлих, разрабатывавший концепцию «живого права» (в противовес праву «в книгах») и подчеркивавший, что судебное решение является не столько отражением закона, сколько отражением общества, в котором это решение принято. Возникнув в Европе, в дальнейшем данная теория перекочевала в Соединенные Штаты Америки, где получила свое основное развитие и научное осмысление. Сначала судья Верховного суда США Оливер Холмс показал, что судьи не применяют право, а «приспосабливают» его к своим внеправовым представлениям, укорененным в обществе. Роско Паунд (Pound 1942; Pound 1959) и Карл Ллевеллин (Llewellyn 1962), развивая эти идеи, рассматривали суды как часть общества и системы властных отношений. Данные правовые и политические воззрения оформились в движение правового реализма (*legal realism movement*) 1920–1950-х гг., показавшее, что судьи испытывают на себе влияние собственного образования, воспитания, амбиций, жизненного опыта и ценностей в той же мере, что и все остальные люди. Сторонники этого движения называли себя реалистами, так как утверждали, что в реальности результат судебного процесса имеет весьма опосредованное отношение к действующим законам. Именно идеи

реалистов в последующие годы дали базис для политологов, развивавших концепции о роли судей в политической системе государства.

Весьма влиятельные ученые стали приверженцами так называемой отношенческой, или аттитюдной, модели. Герман Притчетт, развивавший свою неформальную теорию поведения судей, был основным представителем первого поколения этого направления, хотя частично принимал во внимание и правовые соображения (Pritchett 1954). Позже Гарольд Шпет (Spaeth 1979) и Глендон Шуберт (Schubert 1965) выдвинули более четко сформулированные теоретические предпосылки, основанные на теории аттитюдов (установок) в психологии. В их теоретических и эмпирических работах установки (аттитюды) по отношению к альтернативным политическим точкам зрения ответственны за все (или практически за все), что делают судьи Верховного суда США. Именно опора на установки судей, их изучение является основным отличительным признаком этой модели. Гарольд Спаэт и его соавторы (сначала Дэвид Род, а затем Джеффри Сигал) утверждают, что закон функционально нерелевантен для судей, которые принимают решения, рассматривая факты дела в свете собственных идеологических позиций и ценностей (Segal, Spaeth 2002; Spaeth, Segal 1999). Исследуя устройство и практику Верховного суда США, они приходят к выводу, что его институциональные особенности предоставляют судьям достаточно свободы для того, чтобы рассматривать дела, основываясь на политических установках. Критики указывали на нерелевантность обобщений, сделанных для всей судебной системы только по результатам исследования Верховного суда. Сам по себе он слишком уникальное явление в политической системе, говорили они. Поэтому отношенческая модель стала применяться и к судам более низкой юрисдикции, в частности к федеральным апелляционным судам и верховным судам штатов, на которые чаще, чем на другие суды низшей юрисдикции обращали внимание политологи.

Применительно к политической системе современной России мы согласны с И.С. Григорьевым, что «аттитюдная модель» судейского поведения, согласно которой судьи в своей деятельности руководствуются главным образом собственными предпочтениями и ценностными установками и действуют без оглядки на имеющиеся политические ограничения, не может адекватно применяться без дополнительных оговорок о наличии институтов, обеспечивающих независимость судей и позволяющих им руководствоваться лишь собственными предпочтениями. Когда таких институтов нет или они несовершенны, независимость судей не может по умолчанию приниматься за данность (Григорьев 2017: 15).

Вторая группа ученых, иногда называемая неоинституционалистами (Gillman, Clayton 1999a), использует отношенческую модель в качестве отправной точки. Часто подход этих ученых называют стратегическим. Развивая теорию аттитюдов, они отмечают, что судьи испытывают влияние не только собственных политических убеждений, но и других факторов. Некоторые исследователи утверждают, что судьи, принимая решения по делам, вынуждены учитывать то, как отнесутся к тому или иному решению правоведа и правительство (Epstein, Knight 1998). Другие указывают,

что судьи подвергаются воздействию исторической, правовой и политической культуры, ограничивающей набор ценностей (Gillman, Clayton 1999b; Smith 1988). Третьи отмечают, что на судей влияет их разнородная аудитория: коллеги, адвокаты, представители СМИ, правоведы, избиратели и т.д. (Baum 2006).

По мнению Лоренса Баума (Баум 2014), исследователи поведения судей вкладывают разный смысл в понятие «стратегический». Наиболее частое использование этого понятия связано с намерениями судей. В этом контексте стратегически мыслящий судья стремится к достижению желаемого результата своих действий, принимая во внимание возможную реакцию других людей на эти действия. В исходном виде модели, основанной на установках, когда судьи отдают голоса за тот или иной исход дела, они не действуют стратегически, а просто занимают позицию, наилучшим образом отражающую их политические предпочтения, независимо от того, как другие могут реагировать на их действия. В стратегических моделях, напротив, судьи могут отклоняться от предпочитаемой позиции, если это позволит им достичь лучшего результата в будущем. Акцент смещается с дихотомического голосования по делу как зависимой переменной к доктринальной позиции на широком спектре идеологий. Например, судья, ориентированный на право, может использовать стратегию для того, чтобы реализовать свою концепцию хорошего права. Судья-либерал или консерватор продвигает соответствующие ценности в решениях, при этом действуя с оглядкой, как его решения будут восприняты. Судья также может действовать стратегически для того, чтобы реализовать множество иных целей, часто балансируя между ними: хороший закон и хорошая политика, хорошая политика и сохранение пребывания в должности, отношения с другими политическими акторами и т.д.

Дальнейшее развитие этого направления шло по пути широкого привлечения эмпирических данных и происходило, во-первых, за счет расширения объекта исследования посредством включения данных из федеральных окружных и апелляционных судов, во-вторых, за счет повышения внимания к организационному контексту и устоявшимся когнитивным схемам обоснования позиции при принятии решений и, в-третьих, за счет более сложной системы мотивов, приписываемых судьям, и соответственно, более разнообразных гипотез, подлежащих проверке (Maveety 2002). С точки зрения институционального подхода, писал Джеймс Гибсон, «решения судей являются функцией того, что они бы хотели сделать, ограниченное тем, что, они считают, они должны делать, при этом находящегося в рамках воспринимаемого ими допустимого поведения» (Gibson 1986; 150)¹.

Весьма влиятельным в исследовании судебного поведения стало приращение теории рационального выбора, то есть экономического подхода, рассматривающего судей как рациональных индивидов, максимизирующих полезность в рамках определенных институциональных ограничений.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ф.В.

Сторонником рационального выбора был Ричард Познер, по мнению которого данный подход является самой передовой областью междисциплинарных правовых исследований (Познер 2017: 37). Суть его достаточно проста и сводится к уверенности в том, что люди рациональны в своих социальных взаимодействиях и стремятся максимизировать результат исходя из сознательно устанавливаемых ими целей.

Если говорить в общем, то приверженцы модели аттитюдов описывают суть принятия судебного решения как опирающегося на предпочтение, вытекающие из личных ценностей, а неoinституционалисты – как опирающегося на предпочтение, обусловленное как ценностями, так и дополнительными факторами (стратегическое мышление, культурные или исторические нормы, аудитория, на которую судья старается произвести впечатление, и т.д.). Тем самым поведение судей и политика судов задаются внешними и внутренними институциональными ограничениями, в системе которых им приходится функционировать (Epstein et al. 2013). В любом случае исход судебных дел скорее объясняется именно предпочтениями судей, а не их приверженностью букве закона.

Хотя эти две модели базируются на разных основаниях (закон или личные предпочтения), противопоставлять их друг другу не стоит. Каждая из них обращает внимание на одну из сторон той же медали. Говорить, что закон совершенно не имеет отношения к судьям, как это делают некоторые политологи, значит заикливаться на весьма мизерном количестве дел, имеющих ярко выраженный политический контекст, и не обращать внимание на миллионы других, шаблонное решение по которым без опоры на закон представить себе невозможно. Этот упрек часто адресуют юристы своим коллегам, специализирующимся на Political Science, получая в ответ не менее справедливое замечание об опасности слишком серьезного отношения к закону. Применительно к России последний фактор чрезвычайно важен, учитывая упорство представителей российской судебной системы и части ученого сообщества в отстаивании и популяризации представления о том, что принятие судебных решений основывается только на законе. В этом проявляется «бегство от реальности», которое, как установил И. Шапиро (Шапиро 2011), достаточно часто встречается в гуманитарных науках, и это бегство неблагоприятно для самой реальности. В российских условиях такой отрыв от реальности приводит к двум выделенным Шапиро негативным последствиям. Во-первых, он маргинализует возможные эффекты политической и социальной критики, отдавая на откуп юристам пространство экспертных оценок и, следовательно, рычаги воздействия на функционирование судов. Это в лучшем случае. Во-вторых, что значительно хуже, бегство от реальности непреднамеренно вносит свой вклад в укрепление деспотических общественных отношений (Шапиро 2011: 26). С предположением Шапиро о непреднамеренности мы можем и поспорить, так как зачастую в российских условиях, исследователи вполне осознают указанные последствия своих решений, следовательно действуют умышленно. Барри Фридман писал: «Вероятнее всего, следует согласиться, что и личные установки, и закон играют свою роль, – вопрос в том, в какой степени закон

ограничивает их влияние. Иными словами, вопрос не столько в том, играет ли закон какую-либо роль, а в том, какую роль он играет» (Friedman 2006: 264; см. также об этом: Bunrban, Friedman 2002).

Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, лежит в пространстве усмотрения судей, обусловленного институциональной матрицей судебной власти в политической системе современной России. Как принадлежность любой публичной политической организации, эта матрица определяется характеристиками общей публичной политики государства. Последняя формируется в пространстве взаимодействия государства и гражданского общества, в пространстве политической системы, где институциональные механизмы общественной власти проецируются во власть государственную, тем самым создавая общегражданские основания для принятия решений, формируя позиции управляющих и управляемых.

Важным аспектом является публичный характер судопроизводства. Открытость и гласность судебных процессов представляют собой элемент публичной политики, позволяя выразить позиции сторон по делу в состязательной процедуре, которая, как публичная коммуникация, продуцирует поиск приемлемых для всех решений коллективных проблем, конструируя разделяемое всеми понимание общего блага. Г.В. Пушкарева подчеркивает, что только обмен информацией позволяет людям согласовывать свои представления о нормах и правилах взаимодействий, понимать социальные различия и особенности своего положения в системе политических отношений (Пушкарева 2012). Вынос имеющего место конфликта в публичный процесс с четко процессуально обозначенными правилами его разрешения – показатель политической состоятельности общества, которая характеризуется осуществляющейся в публичном пространстве коммуникацией между гражданами, в ходе которой путем диалога, дискуссий, переговоров идет поиск приемлемых для всех путей решения коллективных проблем, урегулирования имеющихся конфликтов. Основными принципами такой делиберации являются публичность, инклюзивность, диалогичность, высокий уровень рационализации, формальное и фактическое равноправие граждан (Патрушев, Филиппова 2018: 81). Суд, если он выступает в качестве посредника, устроен горизонтально, будучи площадкой, обеспечивающей процессуальную кооперацию в целях поиска справедливости при конфликтных ситуациях.

Особое место судебной власти в системе разделения властей обусловлено тем, что она в определенном смысле является властью полугосударственной: она хоть и входит в триаду государственной власти, однако в случае конфликта интересов государства и личности ориентируется на защиту последней, соотнося это с общественным благом. Степень действительности характеристик делиберации напрямую зависит от степени независимости суда, его неподконтрольности сторонам по делу. Судебная система играет ключевую роль в осуществлении основных принципов и способов минимизации социальных отношений господства (зоны власти). К этим принципам и способам относят: законоправие; правовой конституционализм; институциональное обеспечение и поощрение электорально-контестаторной

активности граждан; поддержание республиканского «общего мира» как места бытования эгалитарного общего блага свободы от господства, вовлечение граждан в де-libерацию; формирование морального порядка свободы от господства как регулятора общественных отношений; упрочение общего знания о его соответствующих нормах; интериоризацию идеала свободы от господства как условие и элемент политики с ненулевым результатом (Недяк и др. 2020).

Современная российская политическая система сформировалась по модели авторитарного неопатримониального политического режима с жестко выстроенной иерархией властного подчинения, основанного и возглавляемого правящей группировкой, участие в которой кооптировано по правилам личной преданности и сходных мировоззренческих идеологических установок. Наличие устойчивых идеологем – характерная черта нашего государства, исторически сложившегося и функционирующего как идеократия. В настоящее время центральными элементами идейного базиса, продуцируемого правящей коалицией и составляющего мировоззренческую платформу отношений власти, являются исключительность (богоизбранность) российского народа и государства, психология «осажденной крепости» (другие страны – враги), правопреемство советского государства и права, консерватизм, а также патриархальный директивный характер власти («народ безмолвствует»). Эти черты влияют на всю политическую систему, включая судебную власть, формируя ее публично-правовую повестку и трансформируя под политический режим изложенные выше характеристики и научные подходы к судейскому усмотрению. Сюда же относится концепт самостоятельности и независимости судей. В современной России не сформировано институционализированное политическое поле – вместо него сложилась деформализованная неполитическая зона власти (Патрушев, Филиппова. 2018: 81). Исследователи выделяют следующие основные характеристики зоны власти: 1) формируется кликами, которые складываются на социетальном (межличностном) уровне и в процессе иерархизации переносят неформальные нормы и практики на социетальный уровень, на уровень потенциального бытования политики; 2) обеспечивает неполитическое господство преимущественно с помощью манипулирования желаниями людей, денег, пропаганды и силы, произвола при слабом использовании закона и общественного мнения, обходясь «понятиями», – так жители России понимают действия существующей власти; 3) акторы зоны власти не являются политическими, зачастую не обладают выраженной и четкой идеологией и, по существу, не имеют политической идентичности, замещая ее лояльностью к принципам кликовой организации. Лояльность и личные связи определяют доступ в зону власти. Обладая этими характеристиками, зона власти блокирует массовое вовлечение граждан в политические практики, вытесняя институты политического представительства механизмами исключения на основе доминирования принципа лояльности. Универсальные нормы (правопорядок) подменяются ситуативными договоренностями, а принятие политических решений – администрированием (Патрушев, Филиппова 2018: 80). Формирование государственной

политики и управления в пространстве соотношения клик (Тощенко 1999), кланов, сетевых структур, патрон-клиентских отношений, клиентел, приводит к тому, что власть действует в этой зоне не ради общего блага, а ради реализации и достижения личных или узкогрупповых, корпоративных целей. Сплоченность внутри государственных институтов базируется на корпоративном сознании, групповых, а не общественных интересах. Как было отмечено Н.В. Пасечником в ходе политологического исследования судебной власти еще в 2005 г., в России не преодолена традиция клиентелизма, когда отдельные ведомства ставят во главу угла корпоративные и частные интересы, мало заботясь об общественном благе (Пасечник 2005: 19).

При такой модели построения политической системы суды занимают в ней место не полноценной судебной власти, а, по сути, одного из исполнительных государственных институтов, выполняющего определенные функции в рамках единой государственной политики. Вынесение судебных решений приравнено к администрированию общественных интеракций. Институциональные характеристики судов определяются универсальными бюрократическими характеристиками организации деятельности и управления, заложенными еще в советский период. В советской системе судов вышестоящие инстанции, которые были призваны защищать права сторон по делу, на практике занимались по преимуществу бюрократическим контролем показателей и устранением бюрократических ошибок (путаница в фамилиях подсудимых, номерах статей кодексов и т.д.).

Path dependence во многом объясняется наличием доминирующих подсистем, нацеленных на воспроизводство существующих коллективных моделей поведения. Такой доминирующей подсистемой является, например, субинститут надзора, также унаследованный с советского периода. Отсутствие права вышестоящей инстанции вмешиваться в принятые судьями решения в отсутствие обращений, апелляционных или кассационных жалоб сторон по делу является одним из краеугольных камней независимости судебной власти, ее отличия от власти исполнительной. Мировая судебно-правовая мысль сформировала классические каноны институциональных возможностей исправления судебных ошибок: апелляция и кассация. Впоследствии к ним добавляется пересмотр дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Классическим является осознание, что использовать данные правовые средства могут только стороны по делу, которые не согласны с принятым судом решением. Они имеют право на обращение в вышестоящую судебную инстанцию с просьбой отменить или изменить принятый судебный акт. Советский период подарил нашей судебной системе институт надзора, предоставляющий возможность вышестоящим судебным инстанциям по собственной инициативе проверять решения судей, при желании изменять и отменять их. Такая институция является порождением недоверчивого отношения к решениям судей, причем недоверия именно как к подвластным субъектам правоприменения, призванным к самостоятельному несению политической ответственности за принятые решения. Парадигма недоверия к нижестоящим звеньям судебной системы со стороны высшего суда государства закономерно требует наличия политико-

правовых механизмов отмены и корректировки судебных решений по делу. Основная функция института надзора – руководство деятельностью нижестоящих судов. «В ее основе лежит право вышестоящей инстанции давать обязательные для исполнения указания нижестоящим судам» (Кашепов 2017). Здесь мы имеем дело с принципами управления, характерными для исполнительной власти. В советский период в связи с отказом от принципа разделения властей произошел отказ и от сущностного понимания, что представительными и судебными органами нельзя управлять так же, как управляют органами исполнительными. Речь идет не о технических различиях. Сама идея руководства судами со стороны вышестоящей инстанции сродни идее руководства председателем представительного органа депутатами или руководства парламентом страны представительными органами ее субъектов. Весьма популярные в российской действительности, данные подходы являются результатом практики тотального контроля государства над всеми сферами жизнедеятельности общества и несовместимы с принципами независимости и самостоятельности судебной власти. Учитывая пороки дисциплинарной практики в отношении судей (Пашин 2014), становится понятно, что «торжество страха и произвола»¹, отмеченное международной комиссией юристов в российской судебной системе, можно не относить к преувеличению. Ситуация с надзором за судами начала меняться в лучшую сторону сравнительно недавно, после вмешательства Европейского суда по правам человека, указывающего на отсутствие правовой определенности принимаемых судом актов, которые пересматривались или отменялись в надзорной инстанции в течение неопределенного времени, причем по инициативе лиц, не являющихся сторонами по делу (Морщакова 2012: 64–93). Правосудие по своему определению представляет собой разбирательство в суде. Разные уровни (первая инстанция, апелляция, кассация) судебных инстанций отражают качественные отличия этого разбирательства. В советский период проверочные вышестоящие инстанции выстраивались как ведомственный контроль, а не как повторение судебного разбирательства на качественно ином уровне. Отсюда упор на «ревизию», отражающую суть работы проверочных инстанций. Произошло смешение сугубо административных отношений и процессуальных норм. Усмотрение вышестоящего судьи, как и вышестоящего должностного лица в бюрократической иерархии, оказывается сильнее и значимее состоявшейся судебной процедуры.

Публичная политика существует и в авторитарных режимах. Вопрос в ее пределах. Они проистекают из понимания концепции прав человека, так как ключевым признаком политики считается институциональное обеспечение прав и возможностей граждан защититься от беззакония, контролировать и оспаривать действия власти. Суд выполняет функцию «горизонтализации» отношений между гражданами и институтами власти

¹ Состояние судебной системы в России: доклад исследовательской миссии по судебной реформе в Российскую Федерацию 20–24 июня 2010 г. Женева, Швейцария, 2010. 43 с. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2012/05/Russia-indepjudiciary-report-2010-rus.pdf> (дата обращения: 17.08.2020).

и реализует возможность действенного контроля граждан над властью (Сатаров 2010). Возможность защититься от произвола относится в первую очередь к самим судьям. Парадигма *self-well being* важна для судей. В случае надлежащей реализации она позволяет им чувствовать себя самодостаточными независимыми акторами, способными при осуществлении судебного усмотрения руководствоваться категориями справедливости, добро совестности, разумности, целесообразности и нравственности. Проблема давления на судей является достаточно деликатной, чаще всего скрытой от широкой общественности. Тем не менее даже в таких условиях периодически в медийное пространство попадают публичные заявления судей о незаконном давлении на них с целью склонить к вынесению тех или иных решений. Такие факты в пространство публичной политики неоднократно выносили руководители системы арбитражных судов (Антон Иванов¹ и Василий Витрянский) (Алексашенко 2019: 181), судья Мосгорсуда Ольга Кудешкина². Первый заместитель председателя Высшего арбитражного суда Елена Валявина³ указывала конкретных лиц в Администрации Президента РФ, попирающих краеугольный принцип самостоятельности и независимости судей. Оглушительный эффект произвело интервью судьи Конституционного суда Владимира Ярославцева испанской газете «El País» под заголовком «В России правят органы безопасности, как в советские времена» от 31 августа 2009 г.⁴, в котором он заявил, что судебная власть в России стала инструментом власти исполнительной⁵. «Я чувствую, что оказался на руинах правосудия», – сказал В. Ярославцев. Позицию коллеги поддержал другой судья Конституционного суда Василий Кононов⁶ в интервью «Собеседнику»⁷. Международная комиссия юри-

¹ Интервью председателя ВАС А. Иванова. Итоги работы Высшего Арбитражного суда РФ за 2009 год и стратегия развития арбитражной системы РФ // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». 25.11.2009. URL: <http://www.garant.ru/interview/213610/> (дата обращения: 17.08.2020).

² См.: Открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину бывшей судьи Мосгорсуда О. Кудешкиной от 9 марта 2005 г. Москва. Эпицентр. 2005.

³ Суд публично признал давление сверху. Руководство российской судебной системы впервые признало факт давления на суд со стороны Администрации Президента РФ. Об этом сообщила первый заместитель председателя ВАС Елена Валявина. 13 мая 2008 г. URL: <https://iq.hse.ru/news/177681279.html> (дата обращения: 12.10.2020).

⁴ Pilar Bonet “En Rusia mandan los órganos de seguridad, como en la época soviética”. URL: http://elpais.com/diario/2009/08/31/internacional/1251669606_850215.html (дата обращения: 05.12.2020).

⁵ Судья КС России, критиковавший Кремль, уходит в отставку // BBC News. Русская служба. 2009. 2 дек. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2009/12/091202_ks_dismissal (дата обращения: 02.12.2020).

⁶ Данный судья Конституционного суда РФ более 50 раз высказывал свое особое мнение, не согласное с решением остальных судей.

⁷ Налбандян Л. Судья Кононов: «Независимых судей в России нет». URL: <https://sobesednik.ru/interview/kononov-sb-41-09> (дата обращения: 05.12.2020).

стов¹, проводившая с 20 по 24 июня 2010 г. исследовательскую миссию в г. Москве, указывает, что, по мнению некоторых российских экспертов, изнутри судебная система подвержена влиянию двух сил: страха и произвола. «Хотя такая оценка и могла показаться участникам миссии преувеличением, в той или иной степени ее разделяет большинство независимых экспертов, адвокатов, представителей неправительственных организаций и бывших работников самой системы – судей в отставке, – с которыми встречалась миссия. Соответственно, крайне низка степень общественного доверия судам»². Российские эксперты и судьи считают прописной истиной тот факт, что справедливости от системы правосудия добиться невозможно, и крайне пессимистично настроены относительно какой-либо возможности коренной реформы в этой области³. Такие оценки – следствие глубокой неудовлетворенности части судейского корпуса состоянием судебной системы. Такие судьи, как правило, выдавливаются системой, поскольку не разделяют общую культуру ее бюрократического функционирования, возникшую в результате целенаправленной деятельности правящего режима по формированию лояльного власти судейского корпуса. В период 2000–2020 гг. сложилась модель российского правосудия, где судья – это скорее юрист-профессионал, а не публичная фигура, а суд – часть единого государственного аппарата. По сути, в ходе административных реформ начала 2000-х гг. возник новый социальный контракт, в соответствии с которым судьи стали полноправными участниками государственной корпорации. Лояльность своей корпорации обеспечивается солидными социальными гарантиями и оформляется административными регламентами (выстроилась система переподготовки, развилась система внутренних классов чинов).

Для бюрократического администрирования характерны непубличные, неформальные механизмы принятия решений, так как степень влияния государства чрезвычайно высока, а следовательно, распространены полутеневые связи и велика степень их влияния на политический процесс. Как было установлено Блау, институты официального регулирования сами по себе становятся местом применения неписаных норм, то есть неформальных правил деятельности государственных правоохранительных органов, которые определяют, какие официальные правила применяются и в какой мере (Blau 1963). Особенность бюрократического построения и функционирования судебной системы состоит в наличии в ней, как и в политической системе в целом, особого подпространства – «режима регулирования», зоны окончательного преобразования институциональных форм государственной власти в фактическую власть доминирующих (монопольных) сетей, отвечающих за разработку государственных решений и фактическое распределение (перераспределение) общественных ресурсов (Соловьёв 2015: 137–139). Такой режим регулирования является самой закрытой

¹ МКЮ обладает консультативным статусом в Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС), ЮНЕСКО, Совете Европы и Африканском союзе.

² Состояние судебной системы в России.

³ Там же.

зоной из всех пространств политического процесса, поскольку он выведен не только из области публичной политики, но и за рамки существующего нормативно-правового института суда.

В рамках зоны власти основная функция суда – администрирование, осуществляемое посредством непрерывной генерации исполнительных решений. В российских судах, особенно в нижестоящих инстанциях, преобладает конвейерный способ рассмотрения дел. Для оценки эффективности работы судей используется два ключевых индикатора, которые имеют краткосрочное (через систему премирования) и долгосрочное (перспективы карьерного роста) влияние на судей. Первый индикатор – это доля дел, рассмотренных в установленные сроки. Судей побуждают к устранению задолженностей по рассмотрению дел и ускорению судопроизводства. Второй ключевой индикатор – «показатель стабильности судебных решений». Он рассчитывается как доля дел, решения по которым не были отменены, к общему количеству рассмотренных или обжалованных дел. Эта система оценки заставляет судей работать быстрее, стремиться к единообразию в принятии решений, следовать рекомендациям областных судов (которые являются апелляционной инстанцией для районных судов) и Верховного суда РФ. Целью деятельности становится вынесение такого решения, которое «устроит» вышестоящий суд и не будет отменено, следовательно приоритет среди кандидатов на роль судьи будет отдан исполнительному, предсказуемому бюрократу. Источники пополнения судебного судейского корпуса в основном представлены кандидатами, выросшими внутри судебной системы (секретари, помощники) либо в исполнительных по своему характеру структурах (прокуратура, органы следствия) (Волков 2015).

Являясь проводником и инструментом реализации власти, бюрократия закономерно действует в рамках «поля власти» как пространства силовых отношений между агентами и институциями (Бурдые 2005: 369), гипертрофии императивных матриц поведения. С.В. Патрушев называет такое пространство зоной власти, Бурдые – полем власти, И. Шапиро именуется его «господством», противопоставляя «не-господству» (Шапиро 2012), как краеугольному камню справедливости, которая составляет существо правосудия (Justice). Следовательно, присутствие господства изрядно умаляет справедливость, ограничивая судебскую самостоятельность. Проведенный Институтом проблем правоприменения социологический анализ судебской профессии показал, что набор судей из аппарата предсказуемо привносит в профессиональную культуру нормы и ориентации, не специфические для судебской профессии, но характерные для современных бюрократических организаций (Волков 2015: 21). Исследования усмотрения суда позволили О.А. Папковой сделать вывод, что оно в российском гражданском и арбитражном процессах не представляет собой свободу поведения (выбора). Государство в Российской Федерации не наделяет судей таким полномочием, как усмотрение, поскольку данное полномочие законодательно не закреплено. Фактически оно осуществляется в двух операциях по применению правовых норм в судебной практике: 1) в юридическом анализе обстоятельств конкретного дела; 2) в толковании норм права. Соответственно,

дискреция судей является правоприменительной деятельностью (Папкова 2005: 392). Институциональные характеристики российской судебной системы дают возможность в настоящее время распространить на нее указанные выводы О.А. Папковой, сделанные в 2005 г. в отношении гражданского и арбитражного процесса. Это касается и высших судов, при всем различии контекста, в котором делают свой выбор судьи первой и вышестоящих инстанций.

Роулэнд и Карп подчеркивают когнитивные различия между задачами по принятию решений, которые решают судьи первой инстанции и судьи апелляционного суда (Rowland, Carp 1996: ch. 6-7). Зарубежные исследователи, как правило, сосредотачивают свои теоретические и эмпирические исследования на апелляционных судах и их судьях (Баум 2014). В контексте транзитных стран, к которым относится и Россия, интересен опыт Украины, где предложенная в 2005–2006 гг. Национальной комиссией по укреплению демократии и установлению правового государства Концепция совершенствования правосудия была поддержана главным образом представителями низших судебных инстанций и Венецианской комиссией Совета Европы, в то время как высшие судебные органы Украины высказались против большинства предусмотренных в проекте трансформаций (Мишина 2010). Судьи высших судов ощущают себя управленческой прослойкой подобно высшим чиновникам аппарата государственного управления.

Подобные особенности построения судебной системы снижают до крайне незначительного уровня, а зачастую и полностью нивелируют механизмы восходящего социального контроля. Сущностью последнего, как было доказано в диссертационном политологическом исследовании судебной власти В.И. Леонтьевым, является система обратных связей между обществом и судебной властью, которая выступает как субъект социально-правового контроля по отношению к другим ветвям власти и как специфический объект социального контроля со стороны общества (Леонтьев 2006: 10). Целью такого контроля является создание условий для дальнейшего развития судебной власти как независимой, гарантирующей правовой характер российского государства.

Модель судейского усмотрения, основанная на законе, более характерна для стран, в которых исключительно силен концепт государства (Давид, Жоффри-Спинози 2009: 60), обладающего патриархальной властью над подданными. Расширение регулятивных мер приводит к расширению латентного пространства, поскольку с увеличением степени регулирования возрастают вариации для применения скрытых механизмов (Миллер 2016). Формальные правила являются лишь законодательной фиксацией сложившегося порядка, порождают конфликт закона и практики. Формальные институты могут работать исключительно при условии их неформальной коррекции (Барсукова 2015: 19-20). П. Соломон подчеркивает повышенное значение неформальных практик для постсоветского мира, где традиционно невысокое доверие к официальным институтам. Политические акторы и влиятельные лица активно используют сетевые структуры для продавливания своих интересов (Solomon 2007).

Функционирование судебной системы современной России по бюрократической модели приводит к тому, что зона власти распространяется на публичный концепт принятия судебных решений. Во вне это проявляется в том, что судьи не стремятся сделать свои решения понятными и прозрачными, так как вертикальный механизм властвования не предполагает согласования с волей подвластных. Как характерно для гибридных авторитарных режимов, судьи вынуждены выстраивать внутреннюю организацию суда посредством формальных и неформальных правил, вырабатывающих организационные процедуры, которыми регламентируется поведение и взаимодействия судей и других сотрудников аппарата. В этом смысле отмечаемая исследователями (Трофимов 2014) тотальная зависимость рядовых судей от председателей судов вполне закономерна. Действительно, в рамках скоординированной совместной деятельности людей в больших бюрократических структурах невозможно себе представить отсутствие руководства, посредничества на всех уровнях иерархии многочисленных технико-организационных, регулирующих управленческих механизмов, устанавливающих и распространяющих правила осуществления деятельности и всевозможные распорядки, распределяющих обязательства, аккумулирующих, агрегирующих и проверяющих вводимую отчетность, осуществляющих документооборот, контроль и надзор за исполнением служебных функций подразделениями и конкретными сотрудниками (Подвойский 2020). Роль полномочий председателя столь велика, что он становится ключевой фигурой во многих процессах, формально не располагая никакими способами влияния на решения в них. Институт председателей судов – это иерархически выстроенная система административного подчинения и управления, обладающая большими возможностями влияния на карьеру рядовых судей (от назначения до увольнения). Последние поэтому склонны избегать каких-либо противоречий с председателями своих или вышестоящих судов и даже координировать с ними принятие решений по конкретным делам. Органы судейского сообщества также преимущественно состоят из председателей судов, в связи с чем они не могут служить противовесом «административной вертикали» (Бочаров и др. 2016: 54). Зачастую отдельный судья может и не вполне понимать, ради чего или ради кого его подталкивают к тому или иному решению. Он просто выполняет рекомендации председателя, не участвуя в «большой игре» (Барсукова 2009).

Конечные цели судей должны объясняться исходя из их фундаментальных мотивов и потребностей. Поэтому Лоренц Баум предлагает, не отмечая изложенные подходы (закон, личное отношение), больше времени уделять психологической составляющей поведения судей. Мотивация поведения в процессе принятия решений судьями весьма важный вопрос, остающийся во многом не до конца исследованным даже в странах с укорененными традициями политологического изучения судебной власти. Исследования в области политической психологии основное внимание уделяют поведению масс, а не деятельности принимающих решения людей. Те же работы, в которых рассматривается поведение людей, ответственных за принятие решений, сконцентрированы, как правило, на поведении чиновников в

органах исполнительной власти, а также на процессе принятия внешнеполитических решений. Некоторые экономисты, а также правоведаы, использующие экономический подход, с точки зрения А. Баума шире и глубже анализируют мотивацию судей. Перечень мотивов судей, предложенный этими исследователями, выводится главным образом из здравого смысла, а не из психологических теорий (Anderson et al. 1989; Posner 1995: ch. 3; Drahozar 19983; Georgakopoulos 2000; Bainbridge, Gulati 2002; Wrightsman 2006). Поэтому Л. Баум пытается заполнить этот пробел. Для определения психологических предрасположенностей судей, по его мнению, полезна модель, разработанная Дэвидом Уинтером для анализа мотивов политических лидеров (Winter 2002; Winter 2003). Политические лидеры действуют, руководствуясь потребностями в достижениях власти и принадлежности к элите. Жильда Алиотта применила уинтеровскую схему для анализа поведения судей Верховного суда США и показала ее ценность (Aliotta 1988), а Баум добавил в качестве мотива – стремление к престижу (Баум 2014: 357). Данные психологические особенности связаны с развитыми формами политического участия, характерны для свободных политических акторов и слабо связаны с бюрократической административной психологией чиновника. Немаловажным фактором является и гендерный аспект. В отличие от большинства стран Америки и Европы судейский корпус России в настоящий момент в основном составляют женщины – по разным оценкам от 2/3 (Волков 2012: 101) до 85%, в зависимости от региона (Тарасова 2009). Для них более характерно следование в фарватере чужого мнения, особенно непосредственного административного начальства. Женщины из аппарата суда не только ведут себя более стратегически, но и оказываются лучше приспособленными к условиям труда. Именно они составляют основной кадровый резерв российских судов (Волков 2012: 131).

В российских условиях стратегически мыслящие судьи, как правило, проявляют умеренность, ориентируясь на позиции законодателя в прецедентном толковании вышестоящих судов. Они воспринимают себя как часть государственного механизма, как представителей государственной власти, как один из элементов государственной бюрократии. Отстаиваемая российскими судьями модель законности своих действий выносит законодателя на первое место. По мнению Роберта Даля, «политические взгляды, преобладающие в суде, никогда надолго не расходятся с политическими взглядами, преобладающими в парламентском большинстве» (Dahl 1957). Позиции общества менее значимы, тем не менее, поскольку политические поля изменяются на основе набора убеждений людей (Патрушев, Филиппова 2018: 77), публичный характер суда позволяет общественному давлению влиять на судебные решения. Например, эпохальные решения Верховного суда США 1950–1960-х гг. по отмене расовой сегрегации и защите прав меньшинств, сформировавшие общественное устройство Америки, были бы невозможны в отсутствие колоссального давления снизу. Восходящая легитимация не позволяет суду игнорировать требования общества. В России уровень сопротивляемости власти общественному давлению гораздо выше, однако сбрасывать его со счетов нельзя. В своих работах, опубликованных

по результатам социологического опроса в октябре 2001 г., Сара Мендельсон и Тэд Гербер (Gerber, Mendelson 2002a; Gerber, Mendelson 2002b; Gerber, Mendelson 2008) показали крайне низкий запрос российского общества на защиту гражданских и политических прав (демократических свобод) по сравнению с экономическими интересами (Mendelson 2001). Был установлен серьезный запрос общества на возвращение государства в регулирование социально-экономических и политических процессов в самой жесткой форме. Результаты опроса свидетельствовали об отсутствии интереса россиян к политическим правам, свободе слова, правам меньшинств и выявили огромный интерес к социально-экономическим правам. Фактически люди добровольно отказались от того, что они считали неважным, что сыграло свою роль в курсе государства на ограничение гражданских свобод с начала 2000-х гг. (Mendelson 2000) и последующем институциональном развитии судебной системы по модели, характерной для гибридного авторитарного государства. По данным World Values Survey, к 2020 г. ситуация кардинально не изменилась и запрос на демократические институты в России не только ниже, чем в развитых западных странах, но и чем в Китае¹. Мы можем сделать вывод, что общественная апатия (Гербер, Мендельсон 2002) в отношении политических и гражданских прав в начале 2000-х гг. привела к слабости институтов их защиты, среди которых судебная власть играет центральную роль в начале 2020-х. В этом проявляется доказанная теорией институциональных матриц (X-Y-теория) структурная взаимосвязь ментальности общества с характером его экономических, политических и идеологических институтов. Ментальность и институциональность общества являются разными отражениями единой специфической сущности общественной системы (Александров, Кирдина 2012). В политической сфере России наблюдается доминирование институтов X-матрицы (институты унитарного политического устройства: административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначений; общих собраний и единогласия; общений по инстанциям). Россияне не увязывают существующий властный порядок с порядками правовым и моральным (Патрушев, Филиппова 2018: 77). Расхожее определение респондентов «Политика – грязное дело», по отношению к суду трансформируется в «Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло». Уровень зрелости и независимости судебной власти достаточно выпукло проявляется в особой категории дел, которые имеют политическую окраску (Волков 2012: 15). Дела, где истцами или ответчиками выступают политики, электоральные споры, исход которых дает политические преимущества какой-либо стороне, наглядно показывают упругость института судебной власти, так как внешнее давление присутствует в той или иной форме почти всегда. Судебная система сталкивается с альтернативой добровольной или принудительной настройки своей архитектуры под действующий политический режим.

¹ EVS/WVS (2021). European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2021 Dataset (Joint EVS/WVS). GESIS Data Archive, Cologne. ZA7505. Dataset Version 1.1.0, doi:10.4232/1.13670.

Тон задает наиболее авторитетная и важная в главных политических вопросах судебная инстанция. Во многих гибридных политических режимах в ходе демократизации создавались конституционные суды (Teitel 1994). При этом, как отмечает И.С. Григорьев, после отката демократизации они постепенно оказывались встроены в недемократические режимы и вынуждены были во избежание конфликтов с правительством в ходе консолидации нового режима адаптироваться к новым политическим реалиям (Григорьев 2017: 8). Исследовав деятельность российского Конституционного суда (далее – КС) в период 1995–2015 гг., И.С. Григорьев продемонстрировал яркие примеры его институциональной трансформации в процессе изменения политического режима. Так, секретариат КС функционирует скорее в формате «амортизатора», изолирующего суд от происходящего в политической системе, чем в формате «фильтра», вследствие чего задается определенная модель правосудия – более сдержанная, нерешительная и консервативная, что может быть обусловлено потребностью суда в сохранении умеренности в период консолидации гибридного политического режима. Другим примером выступает сконструированный КС жанр определения с «позитивным содержанием», используемый судом для канализации жалоб, разрешение которых в жанре постановления может нести для суда повышенные риски конфликта с властями. (Данное обстоятельство важно, поскольку формально КС не может принимать содержательных решений определениями.) Решения по жалобам, затрагивающие отдельные более политизированные темы (в частности, законодательство о выборах и митингах, вопросы вертикального и горизонтального разделения властей), искусственно «понижаются» в статусе до определения с «позитивным содержанием», что служит инструментом минимизации политических рисков. Судьи КС прибегают к этому инструменту в 2000-х гг., в период консолидации гибридного режима, а также в годы парламентских выборов, вплоть до 2011–2012 гг. служившие началом электорального цикла в России (Григорьев 2017: 23–29). В последующие годы КС сохранил маневренный характер своей деятельности, используя прагматический подход. В целом действуя в рамках правовых и конституционных соображений, в делах, имеющих значение для политического режима, КС действовал политически целесообразным образом. По мнению А. Трошева и П. Соломона, такое двойственное состояние позволило КС и его умелому лидеру В. Зорькину достигнуть значительной автономии в продвижении своей правовой позиции по многим вопросам, а также улучшить выполняемость решений КС другими судьями и политическими акторами. Большинство судей КС считают его скорее политическим органом, чем инструментом принятия текущих решений, а себя – «прагматичными и дальновидными людьми, решающими будущее России», которых при этом «также иногда могут заставить вести себя как бюрократов или политиков» (Trochev, Solomon 2018). Тем самым Конституционный суд РФ развил собственную версию «авторитарного конституционализма», которая не только послужила моделью для всех органов судебной системы, но и сыграла немаловажную роль в ликвидации всей

системы региональной конституционной юстиции в стране¹. Предложенный КС пример для всех органов судебной системы РФ иллюстрирует на российской почве выявленный исследователями судов в авторитарных режимах (Helmske 2005) феномен «стратегического бегства», представляющий собой сознательный выбор судьями, осознающими пределы возможного, конформистской линии поведения, продиктованной страхом личностно неблагоприятных последствий.

Выводы. Особенности функционирования судебной власти в политической системе современной России проявляются через механизм судебного усмотрения, в рамках которого принимаются решения по судебным делам. Наиболее адекватной моделью для оценки судебного усмотрения является стратегический подход, согласно которому в российских условиях судьи в своем поведении учитывают существующие институциональные и политические ограничения и руководствуются той структурой политических возможностей, которая сформирована этими ограничениями.

В современной России не может сложиться институционализированное политическое поле, в котором судебная власть отвечает за формирование правового поля, – вместо него сложилась деформализованная неполитическая зона власти. Под правовым полем, мы понимаем часть социального пространства, в которой взаимодействие между акторами (и агентами, и клиентами) осуществляется вокруг циркуляции такого общественного блага, как справедливость. Здесь действуют разнообразные институты: суд (и его учреждения), сопряженные с ним властные институты (прокуратура, служба судебных приставов, министерство юстиции, следственный комитет и т.п.), общественные организации (независимые СМИ, комментирующие проблемы правового поля, адвокатура и др.), клиенты – индивидуальные и организованные.

Российская судебная система находится в пространстве зоны власти, реальной функцией которой является проецирование на подвластных предписаний, формируемых действующим политическим режимом, а также применение санкций за их нарушение. При такой модели построения российского политического пространства судебная система занимает в политической системе место не полноценной ветви власти, а, по сути, одного из исполнительных государственных институтов, осуществляя определенные ему функции в рамках единой государственной политики. Институциональные особенности судебной системы определяются универсальными бюрократическими характеристиками органи-

¹ В декабре 2020 г. был подписан закон, который предписывает упразднить к 1 января 2023 г. все конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Как пояснил на заседании Совета Федерации глава Комитета по конституционному законодательству и госстроительству Андрей Клишас: «В данной части законодательство приводится в соответствие с новой редакцией статьи 118 Конституции, в которой региональные конституционные суды, как суды, входящие в судебную систему РФ, не упоминаются» (см.: URL: <https://rg.ru/2020/12/08/putin-podpisal-zakon-ob-uvolnenii-sudej-za-otkaz-ot-grazhdanstva-rf.html> (дата обращения: 15.05.2021).

зации деятельности и управления, присущими органам исполнительной власти.

В таких условиях институционализированное судебское сообщество функционирует в машинной логике алгоритмизированных действий, источник которых находится вне судебной системы. Создание такой институциональной среды осуществляется акторами, причастными к нормотворчеству, к формированию смыслов и ориентиров государственной политики, к идеологическому обоснованию существующего порядка. Перед воздействием таких акторов судебная система бессильна. При этом, когда у государства нет особого интереса к делу, российские суды вполне могут использоваться в качестве эффективных механизмов разрешения споров.

Нахождение в зоне власти значительно осложняет продвижение концепта публичной политики, поскольку нивелирует возможности горизонтальной кооперации, призванные к реализации принципом состязательности и равноправия сторон. Публично-политическая функция судов в демократических обществах заключается в обеспечении горизонтальных общественных отношений, предоставлении правовой площадки для объективного разбирательства в целях поиска справедливости при конфликтных ситуациях. Судебная система современной России в лице действующих судей отказалась от роли строителя правового поля в публичном политическом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абушенко Д.Б. 2002. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. Москва : Норма. 176 с.

Александров Ю.И., Кирдина С.Г. 2012. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. № 8. С. 3-12.

Алексашенко С.В. 2019. Контрреволюция: Как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику. Москва : Альпина-Паблишер. 408 с.

Алексеев С.С. 1981. Общая теория права. Т. 1. Москва : Юрид. лит. 359 с.

Барак А. 1999. Судейское усмотрение : пер. с англ. Москва : Норма. 376 с.

Барсукова С.Ю. 2009. Неформальные основы формальных судебных решений (на примере арбитражной системы России) // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. Вып. 1 (37). С. 185-191.

Барсукова С.Ю. 2015. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 216 с.

Баум Л. 2014. Мотивация и поведение судей: расширение границ исследования / пер. А.В. Дмитриевой // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов / науч. ред. Э.Л. Панеях ; лит. ред. А.М. Кадникова. Москва : Статут. С. 352-372.

Бочаров Т. и др. 2016. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Ч. 1 / Т. Бочаров, В.В. Волков, А.В. Дмитриева, К.Д. Титаев, И.В. Четверикова, М. Шклярчук. Санкт-Петербург. 110 с.

- Бурдые П. 2005. Социальное пространство: поля и практики. Москва : Ин-т эксперим. социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя. 576 с.
- Волков В.В. (ред.) 2012. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. Москва : Статут. 368 с.
- Волков В.В. (ред.) 2015. Российские судьи: социологическое исследование профессии: моногр. / В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титатев ; под ред. В. Волкова. Москва : Норма. 272 с.
- Галантер М. 2014. Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие / пер. Е.С. Бормотова // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов / науч. ред. Э.Л. Панеях, лит. ред. А.М. Кадникова. Москва : Статут. С. 391-423.
- Гербер Т.П., Мендельсон С.Е. 2002. Граждане России о правах человека // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (58). С. 26-32.
- Григорьев И.С. 2017. Трансформация институтов судебной власти в процессе консолидации гибридного политического режима (на примере Конституционного суда Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва. 29 с.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. 2009. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. Москва : Междунар. отношения. 453 с.
- Даль Р.А. 2003. Полиархия, плюрализм и пространство // Правовая мысль : антология / авт.-сост. В.П. Малахов. Москва : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая кн. С. 899-902.
- Дикова И.В. 2018. Современные подходы к определению понятия «судебная власть» // Вестник Московского университета МВД России. № 6. С. 13-17.
- Ермакова К.П. 2010. Пределы судебного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 26 с.
- Кашепов В.П. 2017. Надзор за судебной деятельностью как конституционное начало организации судебной деятельности // Журнал российского права. № 12 (252). С. 43-54.
- Лебедев В.М., Хабриева Т.Я. (ред.) 2012. Правосудие в современном мире : моногр. / В.И. Анишина, В.Ю. Артёмов, А.К. Большова и др. ; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. Москва : Норма ; Инфра-М. 704 с.
- Леонтьев В.И. 2006. Политико-правовая детерминация судебной власти в контексте социального контроля : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Чита. 24 с.
- Марченко М.Н. 2009. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект. 656 с.
- Миллер Т.В. 2016. Институты и сетевые практики в принятии государственных решений в России // Власть. № 12. С. 93-98.
- Мишина Е.А. 2010. Трансформация судебной власти в транзитных странах // Политика. № 1 (56). С. 158-175.
- Морщакова Т.Г. (ред.) 2012. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / М.Р. Воскобитова, Г.В. Диков, О.С. Чернышева, С.А. Насонов, М.А. Филатова, О.С. Шепелева ; под ред. Т.Г. Морщаковой. Москва : Мысль. 583 с.
- Недяк И.Л. и др. 2020. Политическое поле и зона власти: версии идеального опыта и опыт эмпирической верификации / И.Л. Недяк, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова // Социологические исследования. № 1. С. 42-53.
- Папкова О.А. 2005. Усмотрение суда. Москва : Статут. 413 с.
- Парсонс Т. 2003. О понятии «политическая власть» // Правовая мысль : антология / авт.-сост. В.П. Малахов. Москва : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая кн. С. 895-898.

Пасечник Н.В. 2005. Политические аспекты судебной власти в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов. 22 с.

Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. (отв. ред.) 2018. Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / С.Г. Айвазова, Ю.М. Баскакова, М.О. Комин и др. ; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. Москва : Полит. энцикл. 262 с.

Пашин С.А. 2014. Судебная система России: перелицовка // Отечественные записки. № 3 (60). С. 82-92. URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/sudebnaya-sistema-rossii-perelicovka> (дата обращения: 15.06.2021).

Подвойский Д.Г. 2020. (У)строители тюрем, или Как институты становятся врагами людей? (перечитывая классиков) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 29-70. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1684>.

Познер Р.А. 2017. Рубежи теории права / пер. с англ. И.В. Кушнарёвой ; под ред. М.И. Одиной ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 480 с.

Пушкарёва Г.В. 2012. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. № 2. С. 166-176.

Сатаров Г.А. 2010. Судебная власть: фрагмент диагноза // Общественные науки и современность (ОНС). № 2. С. 32-39.

Соловьёв А.И. 2015. Государственные решения: концептуальный простор и типики теоретизации // Полис. Политические исследования. № 3. С. 127-146.

Тарасова Ю.Н. 2009. Психологические особенности профессиональной деятельности судей в России // Судебная система РФ: вопросы теории, истории и судебная практика : сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 23 апр. 2009 г. / под общ. ред. С.К. Дряхлова. Санкт-Петербург : Издат. дом «Петрополис». С. 121-124.

Тощенко Ж.Т. 1999. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. № 11. С. 124-133.

Трофимов Е.А. 2014. Квалификационные коллегии судей как инструмент укрепления «вертикали» судебной власти: кратологический очерк // Теория и практика общественного развития. № 9. С. 102-104.

Шапиро И. 2011. Бегство о реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. У. Узлайнера. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 368 с. (Полит. теория).

Шапиро И. 2012. О не-господстве / Йен Шапиро // Логос. № 4 (88). С. 3-35.

Aliotta J. 1988. Social Backgrounds, Social Motives and Participation on the U.S. Supreme Court // Political Behavior. № 10. P. 267-284.

Anderson G.M. et al. 1989. On the Incentives of Judges to Enforce Legislative Wealth Transfers / G.M. Anderson, W.F. II Shughart, R.D. Tollison // Journal of Law and Economics. Vol. 32, № 1. P. 215-228.

Bainbridge St.M., Gulati G.M. 2002. How Do Judges Maximize? (The Same Way Everyone Else Does-Boundedly): Rules of Thumb in Securities Fraud Opinions // Emory Law Journal. Vol. 51. P. 83-151. DOI: 10.2139/ssrn.283261.

Baum L. 2006. Judges and Their Audience: A Perspective on Judicial Behavior. Princeton : Princeton Univ. Press. 231 p.

Bell J. 1983. Policy Arguments in Judicial Desition. Oxford : Clarendon Press. 283 p.

Blau P.M. 1963. The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relation in Two Government Agencies. 2nd ed., rev. Chicago : Univ. of Chicago Press. 322 p.

Bunrbanck S., Friedman B. 2002. Reconsidering Judicial Independence // Judicial Independence at the Crossroads: an Interdisciplinary Approach / Eds. by S. Bunrbanck, B. Friedman. Thousand Oaks, Calif. : Sage Publications. P. 9-44.

Drahozal Ch.R. 1998. Judicial Incentives and the Appeals Process // *SMU Law Review*. Vol. 51. P. 469-503.

Duncan K. 1973. Legal Formality // *Journal of Legal Studies*. Vol. 2, № 2, art. 5. P. 351-398.

Dunlop J. 1975. The Limit of Legal Composition // *John Herlings of Labor Letter*. Vol. 25. P. 48-49.

Eisenberg M.A. 1976. Privat Ordering Through Negotiation: Dispute-Settlement and Rulemaking // *Harvard Law Review*. Vol. 89, № 4. P. 637-681. DOI: 10.2307/1340217.

Epstein L. et al. 2013. *The Behavior of Federal Judges: A Theoretical and Empirical Study of Rational Choice* / L. Epstein, W.M. Landes, R.A. Posner. Harvard : Harvard Univ. Press. 440 p.

Epstein L., Knight J. 1998. *The Choices Justice Make*. Washington, D.S. : CQ Press. XVIII, 200 p.

Friedman B. 2006. Taking Law Seriously // *Perspective on Politics*. Vol. 4, iss. 2. P. 261-276. DOI: 10.1017/S1537592706060178.

Georgakopoulos N.L. 2000. Discretion in the Career and Recognition Judiciary // *University of Chicago Law School Roundtable*. Vol. 7, iss. 1. P. 205-225.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. 2002a. How Russians Think about Human Right: Recent Survey Data // *Ponars Eurasia. Policy Memo*. № 221. Prepared for the Ponars Policy Conference. Washington, DC. January 25. P. 1-8.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. 2002b. Russian Public Opinion on Human Rights and the War in Chechnya // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 18, № 4. P. 271-305. DOI: 10.2747/1060-586X.18.4.271.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. 2008. Casualty Sensitivity in a Post-Soviet Context: Russian Views of the Second Chechen War, 2001-2004 // *Political Science Quarterly*. Spring. Vol. 123, № 1. P. 39-68. DOI: 10.2307/20202971.

Gibson J.L. 1986. *The Social Science of Judicial Politics* // *Political Science: The Science of Politics* / Ed. by Herbert F. Weisberg. New York : Agathon Press. Ch. 7. P. 141-167.

Gillman H., Clayton C. 1999a. Beyond Judicial Attitudes: Institutional Approaches to Supreme Court Decision-Making // *Supreme Court Decision-Making: New Institutional Approaches* / Eds. H. Gillman, C. Clayton. Chicago : Univ. of Chicago Press. P. 1-14.

Gillman H., Clayton C. (eds.) 1999b. *The Supreme Court in American Politics: New Institutional Interpretation* / Eds. by H. Gillman, C. Clayton. Chicago : Univ. of Chicago Press. 344 p.

Griffith J.A.G. 1986. *The Politics of the Judiciary*. 3rd ed. London : Fortuna Books. 255 p.

Helmke C. 2005. *Courts under Constraints. Judges, Generals, and Presidents in Argentina*. New York : Cambridge Univ. Press. 221 p.

Lempert R. 1978. More Tales of Two Courts: Exploring Changes in the «Dispute Settlement Function» of Trial Courts // *Law and Society Review*. Vol. 13, № 1. P. 91-138. DOI: 10.2307/3053244.

Llvellyn K. 1962. *Jurisprudence: Realism in Theory and Practice*. Chicago : Univ. of Chicago Press. 531 p.

MacCormick D.N. 1974. Law as Institutional Fact // *Law Quarterly Review*. Vol. 90. P. 102-129.

Maveety N. 2002. *The Study of Judicial Behavior and the Discipline of Political Science* // *The Pioneers of Judicial Behavior* / Ed. by N. Maveety. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press. Ch. 1. P. 1-52.

Mendelson S.E. 2000. The Putin Path: Civil Liberties and Human Rights in Retreat // *Problems of Post-Communism*. Vol. 47, № 5, Sept.-Oct. P. 3-12. DOI: 10.1080/10758216.2000.11655897.

Mendelson S.E. 2001. Democracy Assistance and Political Transition in Russia: Between Success and Failure // *International Security*. Vol. 25, № 4 (Spring). P. 68-106. DOI:10.1162/01622880151091907.

Miller A.S., Schefflin A.W. 1967. The Power of the Supreme Court in the Age of the Positive State: A Preliminary Excuse Part One: On Candor and the Court, or Why Bamboozle the Natives? // *Duke Law Journal*. Vol. 16, iss. 2. P. 273-320.

Posner R.A. 1995. *Overcoming Law*. 3rd ed. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. X, 597 p.

Pound R. 1942. *Social Control through Law*. New Haven : Yale Univ. Press. 138 p.

Pound R. 1959. *Jurisprudence*. In 5 vols. St. Poul, Minnesota : West Publishing Company.

Pritchett C.H. 1954. *Civil Liberties and the Vinson Court*. Chicago ; London : Univ. of Chicago Press. XI, 297 p.

Rowland C.K., Carp R.A. 1996. *Politics and Judgment in Federal District Courts*. Lawrence, Kan. : Univ. Press of Kansas. XI, 211 p.

Schubert G. 1965. *The Judicial Mind : the Attitudes and Ideologies of Supreme Court Justices 1946–1963*. Evanstone, Ill. : Northwestern Univ. Press. 295 p.

Segal J.A., Spaeth H.J. 2002. *The Supreme Court and the Attitudinal Model Revisited*. Cambridge, UK ; New York : Cambridge Univ. Press. XIX, 459 p.

Shapiro M. 1962. *Judicial Modesty, Political Reality and Preferred Position* // *Cornell Law Quarterly*. Vol. 47, iss. 2. P. 175-204.

Smith R.M. 1988. Political Jurisprudence, the «New Institutionalism», and the Future of Public Law // *American Political Science Association*. Vol. 82, № 1. P. 89-108. DOI: 10.2307/1958060.

Solomon P.H. 2007. *Informal Practices in Russian Justice: Probing the Limits of Post-Soviet Reform* // *Russia, Europe, and the Rule of Law* / Ed. by Ferdinand Feldbrugge. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers. P. 79-92.

Spaeth H.J. 1979. *Supreme Court Policy Making: Explanation and Prediction*. San Francisco : W.H. Freeman. XII, 224 p.

Spaeth H.J., Segal J.A. 1999. *Majority Rule or Minority Will: Adherence to Precedent on the U.S. Supreme Court*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 315 p.

Teitel R. 1994. *Post-Communist Constitutionalism: A Transitional Perspective* // *Columbia Human Right Law Review*. Vol. 26. P. 167-190.

Trochev A., Solomon P.H. 2018. *Authoritarian constitutionalism in Putin's Russia: A pragmatic constitutional court in a dual state* // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 51, № 3. P. 201-214. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2018.06.002.

Winter D. 2002. *Motivation and Political Leadership* // *Political Leadership for the New Century: Personality and Behavior Among American Leaders* / Ed. by L.O. Valenty and O. Feidman. Westport, Conn. : Praeger. P. 25-47.

Winter D.G. 2003. *Measuring the Motives of Political Actors at a Distance* // *The Psychological Assessment of Political Leaders* / Ed. by J.M. Post. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press. P. 153-177.

Wrightsmann L.S. 2006. *The Psychology of the Supreme Court*. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press. 336 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195306040.001.0001.

References

Abushenko D.B. *Judicial Discretion in Civil and Arbitration Proceedings*, Moscow, Norma, 2002, 176 p. (in Russ.).

Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G. Types of Mentality and Institutional Matrices: a Multidisciplinary Approach, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2012, no. 8, pp. 3-12. (in Russ.).

Aleksashenko S.V. *Counter-revolution: How Was the Vertical of Power Built in Modern Russia and How Does it Affect the Economy*, Moscow, Al'pina-Publisher, 2019, 408 p. (in Russ.).

Alekseev S.S. *General Theory of Law. Vol. 1*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1981, 359 p.

Aliotta J. Social Backgrounds, Social Motives and Participation on the U.S. Supreme Court, *Political Behavior*, 1988, no. 10, pp. 267-284.

Anderson G.M., Shughart W.F. II, Tollison R.D. On the Incentives of Judges to Enforce Legislative Wealth Transfers, *Journal of Law and Economics*, 1989, vol. 32, no. 1, pp. 215-228.

Bainbridge St.M., Gulati G.M. How Do Judges Maximize? (The Same Way Everyone Else Does—Boundedly): Rules of Thumb in Securities Fraud Opinions, *Emory Law Journal*, 2002, vol. 51, pp. 83-151. DOI: 10.2139/ssrn.283261.

Barak A. *Judicial Discretion*, Moscow, Norma, 1999, 376 p. (in Russ.).

Barsukova S.Yu. *An Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Grey*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015, 216 p. (in Russ.).

Barsukova S.Yu. Informal Bases of Formal Court Decisions (on the Example of the Arbitration System of Russia), *Vestnik Donetsk National Technical University, Series: Economic*, 2009, iss. 1 (37), pp. 185-191. (in Russ.).

Baum L. *Judges and Their Audience: A Perspective on Judicial Behavior*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2006, 231 p.

Baum L. Motivation and Judicial Behavior: Expanding the Scope of Inquiry, *E.L. Paneyakh (ed.) Pravo i pravoprimenenie v zerkale sotsial'nykh nauk*, Moscow, Statut, 2014, pp. 352-372. (in Russ.).

Bell J. *Policy Arguments in Judicial Desition*, Oxford, Clarendon Press, 1983, 283 p.

Blau P.M. *The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relation in Two Government Agencies*, 2nd ed., rev., Chicago, Univ. of Chicago Press, 1963, 322 p.

Bocharov T., Volkov V.V., Dmitrieva A.V., Titaev K.D., Chetverikova I.V., Shklyaruk M. *Diagnostics of the Work of the Judicial System in the Field of Criminal Justice and Proposals for its Reform. Pt. 1*, St. Petersburg, 2016, 110 p. (in Russ.).

Bourdieu P. *Social Area: Fields and Practices*, Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii, St. Petersburg, Aleteyya, 2005, 576 p. (in Russ.).

Bunrbank S., Friedman B. Reconsidering Judicial Independence, *S. Bunrbank, B. Friedman (eds.) Judicial Independence at the Crossroads: an Interdisciplinary Approach*, Thousand Oaks, Calif., Sage Publications, 2002, pp. 9-44.

Dahl R.A. Polyarchy, Pluralism and Scale, *V.P. Malakhov (comp.) Pravovaya mysl' : antologiya*, Moscow, Akademicheskii proekt, Yekaterinburg, Delovaya kniga, 2003, pp. 899-902. (in Russ.).

David R., Jauffret-Spinozi C. *The Great Contemporary Systems of Law*, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, 453 p. (in Russ.).

Dikova I.V. Modern Approaches to Definition of the Concept “Judicial Power”, *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 6, pp. 13-17. (in Russ.).

Drahozal Ch.R. Judicial Incentives and the Appeals Process, *SMU Law Review*, 1998, vol. 51, pp. 469-503.

Duncan K. Legal Formality, *Journal of Legal Studies*, 1973, vol. 2, no. 2, art. 5, pp. 351-398.

Dunlop J. The Limit of Legal Composition, *John Herlings of Labor Letter*, 1975, vol. 25, pp. 48-49.

Eisenberg M.A. Privat Ordering Through Negotiation: Dispute-Settlement and Rulemaking, *Harvard Law Review*, 1976, vol. 89, no. 4, pp. 637-681. DOI: 10.2307/1340217.

Epstein L., Knight J. *The Choices Justice Make*, Washington, D.S., CQ Press, 1998, xviii, 200 p.

Epstein L., Landes W.M., Posner R.A. *The Behavior of Federal Judges: A Theoretical and Empirical Study of Rational Choice*, Harvard, Harvard Univ. Press, 2013, 440 p.

Friedman B. Taking Law Seriously, *Perspective on Politics*, 2006, vol. 4, iss. 2, pp. 261-276. DOI: 10.1017/S1537592706060178.

Galanter M. Justice in Many Rooms: Courts, Private Ordering, and Indigenous Law, E.L. Paneyakh (ed.) *Pravo i pravoprimerenie v zerkale sotsial'nykh nauk*, Moscow, Statut, 2014, pp. 391-423. (in Russ.).

Georgakopoulos N.L. Discretion in the Career and Recognition Judiciary, *University of Chicago Law School Roundtable*, 2000, vol. 7, iss. 1, pp. 205-225.

Gerber T.P., Mendelson S.E. Russians On Human Rights, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2002, no. 2 (58), pp. 26-32. (in Russ.).

Gerber Th.P., Mendelson S.E. Casualty Sensitivity in a Post-Soviet Context: Russian Views of the Second Chechen War, 2001-2004, *Political Science Quarterly*, 2008, Spring, vol. 123, no. 1, pp. 39-68. DOI: 10.2307/20202971.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. How Russians Think about Human Right: Recent Survey Data, *Ponars Eurasia. Policy Memo. № 221. Prepared for the Ponars Policy Conference*, Washington, DC, January 25, 2002, pp. 1-8.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. Russian Public Opinion on Human Rights and the War in Chechnya, *Post-Soviet Affairs*, 2002, vol. 18, no. 4, pp. 271-305. DOI: 10.2747/1060-586X.18.4.271.

Gibson J.L. The Social Science of Judicial Politics, *Herbert F. Weisberg (ed.) Political Science: The Science of Politics*, New York, Agathon Press, 1986, ch. 7, pp. 141-167.

Gillman H., Clayton C. (eds.) *The Supreme Court in American Politics: New Institutional Interpretation*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1999, 344 p.

Gillman H., Clayton C. Beyond Judicial Attitudes: Institutional Approaches to Supreme Court Decision-Making, H. Gillman, C. Clayton (eds.) *Supreme Court Decision-Making: New Institutional Approaches*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1999, pp. 1-14.

Griffith J.A.G. *The Politics of the Judiciary*, 3rd ed., London, Fortuna Books, 1986, 255 p.

Grigoriev I.S. *Transformation of Judicial Institutions in the Process of Consolidation of a hybrid Political Regime (on the Example of the Constitutional Court of the Russian Federation)* : abstr. of diss., Moscow, 2017, 29 p. (in Russ.).

Helmke C. *Courts under Constraints. Judges, Generals, and Presidents in Argentina*, New York, Cambridge Univ. Press, 2005, 221 p.

Kashepov V.P. Supervision of Judicial Activities as Constitutional Beginning of the Organization of Judicial Activities, *Journal of Russian Law*, 2017, no. 12 (252), pp. 43-54. (in Russ.).

Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya. (eds.) *Justice in the Modern World*, Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 704 p. (in Russ.).

Lempert R. More Tales of Two Courts: Exploring Changes in the «Dispute Settlement Function» of Trial Courts, *Law and Society Review*, 1978, vol. 13, no. 1. pp. 91-138. DOI: 10.2307/3053244.

Leontiev V.I. *Political and Legal Determination of the Judiciary in the Context of Social Control* : abstr. of diss. Chita, 2006, 24 p. (in Russ.).

Llvellyn K. *Jurisprudence: Realism in Theory and Practice*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1962, 531 p.

MacCormick D.N. Law as Institutional Fact, *Law Quarterly Review*, 1974, vol. 90, pp. 102-129.

Marchenko M.N. *Theory of State and law : textbook*, 2nd ed., augm. and rev., Moscow, Prospekt, 2009, 656 p. (in Russ.).

Maveety N. The Study of Judicial Behavior and the Discipline of Political Science, N. Maveety (ed.) *The Pioneers of Judicial Behavior*, Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 2002, ch. 1, pp. 1-52.

Mendelson S.E. Democracy Assistance and Political Transition in Russia: Between Success and Failure, *International Security*, 2001, vol. 25, no. 4 (Spring), pp. 68-106. DOI:10.1162/01622880151091907.

Mendelson S.E. The Putin Path: Civil Liberties and Human Rights in Retreat, *Problems of Post-Communism*, 2000, vol. 47, no. 5, Sept.-Oct., pp. 3-12. DOI: 10.1080/10758216.2000.11655897.

Miller A.S., Schefflin A.W. The Power of the Supreme Court in the Age of the Positive State: A Preliminary Excuse Part One: On Candor and the Court, or Why Bamboozle the Natives?, *Duke Law Journal*, 1967, vol. 16, iss. 2, pp. 273-320.

Miller T.V. The Network Institutions and Practices in Government Decision-Making in Russia, *Vlast'*, 2016, no. 12, pp. 93-98. (in Russ.).

Mishina E.A. Transformation of the Judiciary in Transit Countries, *Politeia*, 2010, no. 1 (56), pp. 158-175. (in Russ.).

Morshchakova T.G. (ed.), Voskobitova M.R., Dikov G.V., Chernysheva O.S., Nasonov S.A., Filatova M.A., Shepeleva O.S. *Fair Justice Standards (International and National Practices)*, Moscow, Mysl', 2012, 583 p. (in Russ.).

Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S., Philippova L. Political Field and Zone of Power: Varieties of the Ideal Type and Attempt at Empirical Verification, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2020, no. 1, pp. 42-53. (in Russ.).

Papkova O.A. *Discretion of the Court*, Moscow, Statut, 2005, 413 p. (in Russ.).

Parsons T. About the Concept of "Political Power", V.P. Malakhov (comp.) *Pravovaya mysl' : antologiya*, Moscow, Akademicheskii proekt, Yekaterinburg, Delovaya kniga, 2003, pp. 895-898. (in Russ.).

Pasechnik N.V. *Political Aspects of the Judiciary in Modern Russia* : abstr. of diss, Saratov, 2005, 22 p. (in Russ.).

Pashin S.A. Judicial Reform in Russia: Making Over Old Clothes, *Otechestvennye zapiski*, 2014, no. 3 (60), pp. 82-92, available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/sudebnaya-sistema-rossii-perelicovka> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).

Patrushev S.V., Filippova L.E. (resp. eds.) *The Constitution of Modern Politics in Russia: Institutional Problems*, Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2018, 262 p. (in Russ.).

Podvoysky D.G. Arranging an "Iron Cage", or How Institutions Become Human Enemies (Revising the Classical Theories), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 5, pp. 29-70. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1684. (in Russ.).

Posner R.A. *Frontiers of Legal Theory*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2017, 480 p. (in Russ.).

Posner R.A. *Overcoming Law*, 3rd ed., Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1995, x, 597 p.

Pound R. *Jurisprudence, in 5 vols.*, St. Poul, Minnesota, West Publishing Company, 1959.

- Pound R. *Social Control through Law*, New Haven, Yale Univ. Press, 1942, 138 p.
- Pritchett C.H. *Civil Liberties and the Vinson Court*, Chicago, London, Univ. of Chicago Press, 1954, xi, 297 p.
- Pushkareva G.V. Political Space: Problems of Theoretical Conceptualization, *Polis. Political Studies*, 2012, no. 2, pp. 166-176. (in Russ.).
- Rowland C.K., Carp R.A. *Politics and Judgment in Federal District Courts*, Lawrence, Kan., Univ. Press of Kansas, 1996, xi, 211 p.
- Satarov G.A. The Judiciary: a Fragment of the Diagnosis, *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, 2010, no. 2, pp. 32-39. (in Russ.).
- Schubert G. *The Judicial Mind : the Attitudes and Ideologies of Supreme Court Justices 1946–1963*, Evanstone, Ill., Northwestern Univ. Press, 1965, 295 p.
- Segal J.A., Spaeth H.J. *The Supreme Court and the Attitudinal Model Revisited*, Cambridge, UK, New York, Cambridge Univ. Press, 2002, xix, 459 p.
- Shapiro I. On Non-Domination, *Logos*, 2012, no. 4 (88), pp. 3-35. (in Russ.).
- Shapiro I. *The Flight from Reality in the Human Sciences*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011, 368 p. (in Russ.).
- Shapiro M. Judicial Modesty, Political Reality and Preferred Position, *Cornell Law Quarterly*, 1962, vol. 47, iss. 2, pp. 175-204.
- Smith R.M. Political Jurisprudence, the "New Institutionalism", and the Future of Public Law, *American Political Science Association*, 1988, vol. 82, no. 1, pp. 89-108. DOI: 10.2307/1958060.
- Solomon P.H. Informal Practices in Russian Justice: Probing the Limits of Post-Soviet Reform, *Ferdinand Feldbrugge (ed.) Russia, Europe, and the Rule of Law*, Leiden, Boston, Martinus Nijhoff Publishers, 2007, pp. 79-92.
- Solovyev A.I. Government Decisions: the Conceptual Space and Dead Ends of Theorization, *Polis. Political Studies*, 2015, no. 3, pp. 127-146. (in Russ.).
- Spaeth H.J. *Supreme Court Policy Making: Explanation and Prediction*, San Francisco, W.H. Freeman, 1979, xii, 224 p.
- Spaeth H.J., Segal J.A. *Majority Rule or Minority Will: Adherence to Precedent on the U.S. Supreme Court*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999, 315 p.
- Tarasova Yu.N. Psychological Features of Professional Activity of Judges in Russia, *S.K. Dryakhlov (ed.) Sudebnaya sistema RF: voprosy teorii, istorii i sudebnaya praktika : sb. statey po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 23 apr. 2009 g.*, St. Petersburg, Izdatelskii. dom «Petropolis», 2009, pp 121-124. (in Russ.).
- Teitel R. Post-Communist Constitutionalism: A Transitional Perspective, *Columbia Human Right Law Review*, 1994, vol. 26, pp. 167-190.
- Toshchenko Zh.T. The elite? Clans? Castes? Clicks? What are the Names of Those Who Rule Us?, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 1999, no. 11, pp. 124-133. (in Russ.).
- Trochev A., Solomon P.H. Authoritarian constitutionalism in Putin's Russia: A pragmatic constitutional court in a dual state, *Communist and Post-Communist Studies*, 2018, vol. 51, no. 3, pp. 201-214. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2018.06.002.
- Trofimov E.A. Boards of Judges as a Tool of Reinforcement of Judicial Branch Vertical: Cratological Review, *Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 9, pp. 102-104. (in Russ.).
- Volkov V.V. (ed.) *How Judges Make Decisions: Empirical Studies of Law*, Moscow, Statut, 2012, 368 p. (in Russ.).
- Volkov V.V., Dmitrieva A., Pozdnyakov M., Titatev K. *Russian Judges: a Sociological Study of the Profession*, Moscow, Norma, 2015, 272 p. (in Russ.).
- Winter D. Motivation and Political Leadership, *L.O. Valenty and O. Feidman (eds.) Political Leadership for the New Century: Personality and Behavior Among American Leaders*, Westport, Conn., Praeger, 2002, pp. 25-47.

Winter D.G. Measuring the Motives of Political Actors at a Distance, *J.M. Post (ed.) The Psychological Assessment of Political Leaders*, Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 2003, pp. 153-177.

Wrightsmann L.S. *The Psychology of the Supreme Court*, Oxford, New York, Oxford Univ. Press, 2006, 336 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195306040.001.0001.

Yermakova K.P. *Limits of Judicial Discretion* : abstr. of diss., Moscow, 2010, 26 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воскресенский Федор Александрович

аспирант кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия;

IstinaResearcherID (IRID): 11215705;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5142-0545>;

SPIN-код: 5801-3571;

E-mail: voscresensky@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedor A. Voscresensky

Postgraduate student of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

IstinaResearcherID (IRID): 11215705;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5142-0545>;

SPIN-код: 5801-3571;

E-mail: voscresensky@mail.ru